

Б. В. Марков

МЕХАНИЗМ И ОРГАНИЗМ: КАЧЕСТВЕННЫЙ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ПОДХОДЫ В НАУКАХ О ПРИРОДЕ И ЧЕЛОВЕКЕ¹

В статье исследуется роль метафор организма и механизма в науках о человеке, а также качественный и количественный подходы в философии и в науке. Принцип симпатии, согласно которому мир представляет собой органическое целое, все части которого связаны взаимным влечением, в Новое время уступил место принципу причинности, согласно которому события связаны жесткими взаимодействиями. Образ науки, сложившийся на основе механико-математического естествознания, сегодня подвергается сомнению. Герменевтика и феноменология опираются на содержательные интуиции, схватывающие качественные аспекты бытия. Логико-аналитические, структуралистские и системные подходы основываются на теоретико-множественных, количественных моделях онтологии. В статье предпринимается попытка объединить перечисленные подходы и предлагается модель целостности, в которой совмещаются противоречивость бытия и единство разума.

Ключевые слова: антропология, знание, качество, количество, механизм, наука, организм, природа, человек.

Boris V. Markov

THE MECHANISM AND ORGANISM: QUALITATIVE AND QUANTITATIVE APPROACHES TOWARDS NATURE AND MAN

The article discusses the role of metaphors of organism and mechanism in science about a man and qualitative and quantitative approaches in philosophy and science. In the New time the principle of sympathy, according to which the world represents an organic whole, all parts of which are connected by a mutual inclination, has yielded to a principle of determinism, according to which the events are connected by rigid interactions. The image of the science based on mechanical-mathematical natural science is exposed to doubt. Hermeneutic and phenomenology are based on substantial intuition, seizing qualitative aspects of life. Logic-analytical, structural and system approaches are based on ontological theory-multiple, quantitative models. The article attempts to connect the above mentioned approaches and proposes a model of integrity, in which the discrepancy of life and unity of reason is combined.

Keywords: anthropology, knowledge, quality, quantity, mechanism, science, organism, nature, man.

Важнейшим свойством человеческого мира является его целостность. Космос греков представлялся прекрасным, совершенным, пребывающим в неизменном покое целым. Христианский мир пребывал под покровительством Бога, без воли которого ничего не происходило. Открытие Коперника поколебало веру в божественного протектора и заставило искать основания единства в бытии и разуме. Таким образом, любой ответ на вопрос о человеке и мире связан с тем или иным решением проблемы единства. Однако допущение единства, как обнаружил еще платоновский «Парменид», логически противоречиво. К теоретическим парадоксам сегодня добавляются экзистенциальные сомнения и социальные проблемы. Складывается мнение, что единство, допускаемое разумом, может при этом отсутствовать в ре-

---

Марков Борис Васильевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; bmarkov@mail.ru

Markov Boris V. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; bmarkov@mail.ru

¹ Поддержано РФНФ, проект №13-03-00386.

альном мире, полном противоречий. Однако отказ от философии единства кажется поспешным. Он вызван использованием формальных критериев, таких как непротиворечивость, полнота, разрешимость, применяемых в классической науке к естественнонаучным теориям. В связи с этим представляется разумным реанимировать качественный подход, который опирается на противопоставление организма и механизма.

Образ науки, сложившийся на основе механико-математического естествознания, сегодня подвергается сомнению. Альтернативу ему предлагают феноменология и герменевтика, возрождающие содержательный, качественный, целостный подход к истолкованию смысла и значения научных понятий, функция которых не исчерпывается выполнением роли индексов в математических уравнениях. Общенаучные понятия: «материя», «энергия», «движение», «пространство», «время» и другие — выражают фундаментальные свойства мира, их смысл укоренен в естественном языке и концептуализируется в философии. Если логико-аналитические, структуралистские и системные подходы основываются на теоретико-множественных, количественных моделях онтологии, то герменевтика, феноменология, метафорология опираются на содержательные интуиции, схватывающие качественные аспекты бытия.

Обоснование и секуляризация. В эпоху Просвещения произошла секуляризация («обмирщение») общества, его институтов и идеологии. Это проявилось в снятии теологической блокады, в результате чего наука стала образцом рациональности, которому подражали остальные дисциплины, включая экономику, юриспруденцию, философию и даже теологию. Правила научного метода, сформулированные Декартом, Бэконом, Лейбницем, легли в основу методологии науки, которая триумфально развивалась и лидировала до середины XX в.

Сомнения в абсолютности методов науки зародились в ходе исследования самой науки как формы знания. При обосновании метода выявилась ошибка под названием «логический круг»: метод определялся как научный, а наука — как «методичное» исследование. Нечто подобное ранее обнаружилось в ходе кантовского обоснования морали посредством религии: основой морали считался Бог, но по отношению к нему требования морали блокировались. Поскольку методы, используемые учеными при изучении природных объектов, оказались недостаточными для анализа самой науки, в ход пошли методы гуманитарных дисциплин, прежде всего психологии, социологии и культурологии. В философии, как реакция на позитивизм, оказались востребованными диалектика, феноменология и герменевтика, сформировавшиеся в рамках программы изучения специфики «наук о духе». В результате применения этих методов философия науки освободилась от неопозитивистского идеала научного знания и обратилась к изучению социально-политических и историко-культурных предпосылок познания. Можно перечислить несколько дополняющих друг друга направлений. В рамках франкфуртской школы наука рассматривалась как форма идеологии, и это нашло свое продолжение в «анархической эпистемологии» П. Фейерабенда, а также в концепции «знания-власти» М. Фуко. Феноменология Гуссерля, констатировавшего «кризис европейских наук», также нашла продолжение и в хайдеггеровской концепции техно-науки как воли к власти, и в феноменологической социологии, открывшей основания рациональности в повседневном жизненном мире. Аналитическая философия также получила новый импульс от нейропсихологии и математики, что привело к появлению множества интересных концепций.

В результате в представлениях о рациональности произошла революция, которая, впрочем, не затрагивает приоритетности определения науки как системы объективно истинного знания.

Социология, психология, культурология и, наконец, антропология — все эти дисциплины предложили альтернативные подходы и техники анализа знания, которые обрели статус универсальных программ в философии. Поскольку они сложились на базе науки об обществе, культуре или человеке, объективность знания выводилась не из возможности постижения «самой реальности», а из устройства и функционирования научного сообщества, из природы человека, из того или иного исторического типа культуры. В результате оказалось, что сама «воля к истине» — это весьма недавнее приобретение, возникшее на определенной ступени развития западной цивилизации. Вместо науки одного типа, прогрессирующей в направлении всеобъемлющего постижения объективной истины, обнаружилось множество несоизмеримых способов описания мира. Дело дошло до сомнения в универсальности математических правил. Кризис в основаниях математики, осознание теоретической нагруженности опытного знания, которое считалось фундаментом науки, — всё это привело к кризису традиционной философии науки и выдвиганию на передний план новых программ, исследующих науку так же, как и другие дискурсивные практики, например идеологию, мифологию, литературу и т. п.

Понимание истины как соответствия знания реальности сталкивается с серьезными затруднениями, и это создает весьма неопределенную ситуацию. Парадокс в том, что наиболее распространенный семантический способ учреждения истинности научного знания подтверждает правоту социологов и антропологов, но при этом указывает вполне определенные границы, за пределы которых они не должны выходить. Н. Луман видел причину страха перед парадоксами в том, что коды, регулирующие поведение, сами не регулируются никакими кодами [1, с. 123]. Роль парадокса состоит в том, чтобы заблокировать отсутствие оснований у оснований. Благодаря самообоснованию система замыкается. Но в рамках этой системы уже нельзя решить, что является истинным и ложным. Действительно, различия бытия и небытия, мужского и женского, плохого и хорошего не нуждаются в обосновании, ибо кажутся очевидными. Понимание этого позволяет отказаться от поисков окончательных оснований и заставляет держать в поле внимания обе альтернативы. Таким образом, перед философией науки стоит не только вопрос о признании легитимности качественного или количественного подхода, но и более важная методологическая проблема: как совместить идею объективной истины с признанием зависимости ее проверки от субъективных, исторически относительных факторов?

Квалитативная парадигма познания. Если естествознание описывает предметы, которые не нуждаются в понимании, ибо не имеют свободы, то социальные науки изучают поведение человека, который должен придерживаться институциональных правил. Это значит, что социальные теории не могут быть построены по образцу естествознания, ибо они целенаправляются самой социальной реальностью.

В естественнонаучной теории понятия и принципы образуют логически связанную систему, которая благодаря правилам интерпретации функционально соотносится с эмпирическим базисом. Построение социальных теорий также пошло по пути введения таких теоретических понятий, которые выполняют определенные функции. Однако в социальных науках названные связи являются как объективны-

ми, так и интенциональными: цели действующего субъекта определяются нормами общества, а также зависят от технических средств их реализации. Таким образом, оказываются в одинаковой мере возможными два метода. Один опирается на понимание и рефлексию, другой — на модели, в которых поведение изолированных индивидов определяется порядком системы. Это привело к расцвету герменевтики и системного подхода в современной методологии.

Математические и формальные положения, в отличие от исторических текстов, не требуют понимания. Однако такой подход годится только для нормативной, но не для эмпирической, дескриптивной части гуманитарных дисциплин, где приходится иметь дело с такими событиями, которые и совершаются и воспринимаются на основе ценностей. Так мы приходим к модели социальной реальности, в свое время выдвинутой еще В. Дильтеем. В гуманитарной науке субъектом исследуется такой объект, который сам является субъектом. Историки имеют дело с объективациями духа. Поэтому речь идет о понимании, опирающемся на герменевтический круг: чтобы понять часть, нужно знать целое, которое само складывается из частей. Дильтей писал: «Во всех случаях отдельный момент обретает значение благодаря взаимосвязи с целым, благодаря сопряжению прошлого и будущего, бытия отдельного человека и всего человечества» [2, с. 282]. Научное познание — это институт говорящих и совместно действующих людей. В процессе коммуникации они устанавливают критерии научной значимости, и поэтому так называемый эмпирический базис предполагает предпонимание социальных норм.

По мере развития индустриального общества все более актуальными становились инструментальные знания о природе. В поисках объективности позитивисты освобождались от антропоморфизма и выражали сомнения относительно смысла не только метафизических, но и общенаучных теоретических понятий и принципов. Однако сведение познания к «исчислению» не было воспринято ни философами, ни учеными, и сегодня мы наблюдаем волну теорий, своей необычностью нередко напоминающих литературу в стиле «фэнтези».

Без каких-либо дискуссий, как проявление моды сегодня вновь растет интерес к тотальности, витализму, гештальтизму, эмерджентным теориям и креационизму. История пришла в движение. Наряду с новыми возможностями проявляют себя и генеалогические силы культуры. В переходные периоды, в кризисных ситуациях, когда старые знания и ценности утрачивают свое значение, возрождаются древние мифы и религии, просыпаются архетипы сознания, возрождаются забытые метафоры. Тот, кто не чувствует изменений духа времени, отстает от жизни, перестает отвечать на актуальные вопросы. Однако, подчиняясь воздействию «генеалогических сил», философия не должна забывать о концептуализации нового исторического опыта. Годятся ли метафоры организма и механизма для описания современности, какое содержание они несут? Чтобы ответить на эти вопросы, следует оценить значение названных базисных метафор.

Современное общество становится все более дифференцированным, интеграционные отношения складываются между экономическими, политическими, информационными подсистемами, а не на почве интересов совместно живущих людей. Наука зародилась в таких исторических условиях, когда имел место консенсус относительно смысла и целей человеческой жизнедеятельности, состоящих в сохранении жизни на основе общественного труда. Эта предпосылка была мировоззренчески

прозрачной настолько, что со времен Платона она вытесняется на задний план сознания и уже не участвует в научной деятельности. Культивируется теоретическая установка, раскрываемая как чистое созерцание. Возникает проблема того, как рационально объяснить практическое применение технического знания. Современная история конституируется как всемирная, опирающаяся на базис индустриального общества, и это стало причиной иллюзии освобождения человека от природной и жизненной субстанции. История, понимаемая как тотальность, включает научный рационализм, веру в господство техники над историческими случайностями. Благодаря новым технологиям наука становится частью нашей практической жизни.

Напротив, в экзистенциальной трактовке наука расценивается как источник отчуждения и поэтому подлежит преодолению. Действительно, уже опыт классической физики вовсе не был нейтральным, а поддерживался технической практикой и системой труда XVII столетия. Классическая механика разделяет природу на элементы в соответствии с техникой фабричного производства. Овеществление труда сопровождается освобождением инструментального знания от ценностей жизненного мира. Практический интерес, манипулирующий веществом природы, становится главным мотивом познания. Без каких-либо дискуссий экономические критерии становятся господствующими, но контроль за ним не ведется.

У Макса Вебера рационализация понимается как социальный процесс, характеризующийся преодолением традиционных сакральных форм легитимации и установлением целерациональных критериев деятельности. Это является результатом институализации науки и техники, индустриализации труда, урбанизации жизни, формализации права, демократизации общества, конsumerизации человеческих отношений. Вебер видит опасность онаучивания и технизации жизни, однако причиной этих явлений считает неправильное использование науки. Критические рационалисты видят в науке и технике идеологию господства, которая присуща им изначально и не может быть изъята без того, чтобы они исчезли. Право науки и техники распоряжаться веществом природы и общественными отношениями долгое время оправдывали обещаниями прогресса и более комфортабельной жизни. Однако сегодня очевидны и опасные последствия безудержной технизации. Наступил век разочарования и критики. Исследователи первобытных обществ утверждают, что наши далекие предки меньше работали и качественнее питались, а главное — не наносили урона природе. Многие современные интеллектуалы считают, что в рамках некапиталистического общества возможны иные наука и техника, которые будут поддерживать отношения не господства, а сотрудничества и соучастия.

Принцип симпатии в науках о человеке. Наука уничтожила целый ряд очень важных символических защит. Во-первых, она лишила людей бога-защитника; во-вторых, сорвала крышу над головой и выбросила человека в бесконечное, пустое безжизненное пространство; в-третьих, обрекла индивида на метафизическое одиночество: Бог умер, а природа оказалась лишенной каких-либо моральных человеческих значений. Законы природы свободны от ценностей. Жак Моно отмечал, что наука объявила о разрыве с традицией сотен тысячелетий, которая появилась вместе с человеком. Она удостоверила конец древней анимистической связи между человеком и природой, поставив исследователя в ситуацию вселенского одиночества.

Если вдуматься в то, как вообще возможно общество и как оно возникает между людьми, можно предложить два альтернативных ответа, которые нуждаются в син-

тезе, ибо в повседневной практике они постоянно переплетаются, переходят одно в другое, взаимно поддерживают и обогащают друг друга. Первый ответ опирается на чувство поддержки и взаимопомощи, благодаря которому до или помимо разговора люди испытывают взаимную симпатию. Общество — это такая форма единства, которая основана на потребности жить вместе. Традиционные общества обычно упрекают в ксенофобии, забывая при этом о культуре гостеприимства. Представители исторической антропологии, исследующие своеобразие культурного опыта так называемых примитивных народов, напротив, пришли к пониманию коллективизма как по-своему эффективной формы жизни.

Другой ответ базируется на убежденности философов в том, что человеческое общение, в отличие от животного, протекает в форме диалога, в ходе которого познается истина, выявляется единство в понимании важнейших вещей и достигается нравственное признание друг друга. Вербальные философско-литературные техники являются весьма эффективными и надежными средствами гуманизации людей. Они цивилизуют темные порывы, нейтрализуют животные инстинкты, а главное, являются подконтрольными и позволяют переписывать и перенаправлять психическую энергию в нужном направлении на пользу общества. Сегодня гуманистическая модель человеческой близости вытесняется информационными технологиями, которые еще более эффективно и экономно организуют коллективное тело.

Если раньше не только дела, но и мысли людей были «коллективными представлениями», то сегодня каждый стремится быть автономным индивидом, что на практике приводит к росту эгоизма и разобщенности. Вместе с тем современные городские индивидуалисты, проживающие в одиночестве за железными дверями изолированных апартаментов, испытывают ностальгию по единству и предаются мечтаньям об органических целостностях прежнего типа.

Чувства симпатии и антипатии являются столь древними, что кажутся изначальными. Макс Шелер считал любовь и ненависть антропологическими константами. Это значит, что человеком является тот, кто способен любить и ненавидеть, а тот, кто этого не может, считается недоразвитым. Различие между человеком и животным по этой линии, конечно, нуждается в уточнении. Как известно, в мире людей различаются животные и духовные страсти. С другой стороны, биологи немало написали о тонких отношениях самцов и самок, например, в популяциях лебедей. Антропогенез симпатии мало изучен — помехой являются слишком жесткие различия души и тела, духовных переживаний и телесных желаний.

Пожалуй, впервые о таинстве любви заговорил Платон, и его рассуждения о первичном и вторичном Эросе подхватило христианство. В дальнейшем эротика Платона была развита М. Фичино и стала за пять веков до появления психоанализа своеобразной «глубинной психологией» европейской культуры. В своем «Комментарии» на платоновский «Пир» Фичино несколько бесцеремонно дописал недостающую на его взгляд часть и задолго до Гарвея использовал метафору сердца и крови, связав ее с теорией зрения Платона. Фичино был озабочен не достижением власти над предметом симпатии, а единством. Всякий раз, когда два человека охвачены взаимным благоволением, они живут один в другом. Эти люди поочередно превращаются один в другого, и каждый отдает себя другому, получая его взамен. «И вот что еще представляется удивительным, — отмечал Фичино. — Если я, потеряв себя, с твоей помощью себя обретаю вновь, то посредством тебя обладаю собой; если по-

средством тебя я обладаю собой, то прежде и больше обладаю тобой, чем собой самим, я оказываюсь более близким тебе, чем себе, так как я достигаю себя не иначе, как посредством тебя» [3, с. 204]. Этим сила страсти отличается от необузданности Марса, власть — от любви. Властитель овладевает другими, любящий овладевает собой, и каждый из любящих, удаляясь от себя, приближается к другому и, умирая в себе, воскресает в другом.

В эпоху Возрождения психология и магия, онтология и антропология, физика и социология были связаны общим принципом симпатии, который в физике выражался в понятиях «импетуса», «виртуса», притяжения, тяготения, инерции, сохранения, энергии и др. Согласно этому принципу, изолированные атомы, автономные субстанции, замкнутые на себя монады наделены свойством взаимодействия с другими членами универсума. Эта взаимная связь делает мир резонирующей системой, а наиболее тонкие и умные индивиды становятся медиумами мира, проводниками творческих импульсов, исходящих из других частей микрокосма. Медицина Парацельса обращает особенное внимание на констелляции, в которые вписан человек, ибо болезни возникают из рассогласования ритмов индивида с ритмами универсума. Продолжая эту музыкальную метафору, можно сказать, что человек в такой резонирующей онтологии понимается как участник некоего мирового концерта, где исполнители и слушатели образуют единое коммуникативное поле. Ученый, художник, врач — это одновременно маг, чувствительный, открытый миру человек, находящийся в кооперации с тайными взаимодействиями вещей.

Рене Жирар таким же образом трактовал Шекспира: общество — это социальный ансамбль, связанный горящими в индивидах страстями, жадной властью, наслаждения. Его герои — своеобразные аккумуляторы желания. Вместе с тем эта аналогия нуждается в ограничении. В отличие от поэтов Возрождения, персонажи Шекспир наделены способностью разносить, передавать свои страсти как инфекцию. И те, с кем они вступают в борьбу, заражаются ими подобно чуме. Так все общество постепенно оказывается охваченным завистью и соперничеством, т. е. капитализмом.

Видимо, эта концепция и была основой магнетизма, который стал популярным во всех европейских странах. Франц Антон Месмер исходил из представлений о межзвездной силе тяготения и флюиде, который передается как магнетическое излучение через все тела и связывает их в единую цепь. Предполагают, что эти представления были им усвоены от домашнего врача Ньютона Р. Мида, который не отделял психологию от космологии. Месмер трактует человека как животный магнит, втянутый в ансамбль флюидальных взаимодействий. Его идея состояла в том, что все люди являются носителями магнетической силы, которая связывает их в некоем общем эфире, который дает возможность естественного, без каких либо условностей интимного общения. Собственно, концепция избирательного сродства И. В. Гёте тоже опиралась на физиогномическую и магнетическую модель интимности. Хотя Зигмунд Фрейд отказался от использования гипноза, в его представлениях о либидо также сохраняется «магнетизм», согласно которому между индивидами имеют место отношения притяжения и отталкивания, возникает силовое поле, пронизанное влечениями. Вполне возможно, что от этой аттрактивной модели вообще невозможно избавиться вполне, и об этом свидетельствует использование «флюидной» теории даже после того, как психоанализ был переведен Ж. Лаканом в сферу языка.

Движение цивилизации в направлении отказа от пространственной близости в пользу дистанции приводит к тому, что само мышление начинает определяться в терминах переноса и передачи. По Фрейду, основой культуры является энергия либидо. Бессознательное — это работа, которая осуществляется в режиме Эроса и Танатоса на основе игры принципов реальности и удовольствия. В психоанализе субъективность соотносится с иллюзиями, комплексами, вымыслами, т. е. с некоторыми параноидальными явлениями. Эта программа становится опорной для современных гуманитариев. Фрейд предполагал, что психические болезни вызваны неправильной эволюцией детской сексуальности. М. Фуко в своей критике психоанализа утверждал обратное: «Неврозы регрессии не отражают невротической природы детства, но разоблачают архаичный характер педагогических институций» [4, с. 183]. Согласно мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, на детей психоаналитики переносят комплексы взрослых. Редукция больного к ребенку — это миф, создаваемый здоровыми для собственного успокоения [5, с. 19]. Решение споров между сторонниками натурализма и социологизма основоположники движения антипсихиатрии ищут на пути признания целостности больной личности. Распад сознания, утрата высших функций сознания имеют место, но больной на любой стадии болезни каким-то образом воссоздает свой примитивный порядок, он остается личностью. Больной — это не объект, а человек, обладающий сознанием, которое влияет на болезнь.

Качественные предпосылки и количественные методы познания. Научные теории строятся в широком контексте предпосылок. Как отмечает А. Койре, научная мысль развивается не в вакууме, а в рамках определенных философских идей [6]. Такие понятия, как «атом», «материя», «наследственность», пришли в те или иные специальные дисциплины извне. Поэтому заслуживающим внимания представляется вывод В. С. Черныяка: «К истории науки следует отнести всё то знание и все те его социальные и культурные предпосылки, которые так или иначе связаны с генезисом воспроизводимого, т. е. научного в собственном смысле знания. Сюда входят и заблуждения и различного рода фиктивные понятия типа флогистона, эфира, вечного двигателя и т. п. — словом, весь тот ненаучный фонд знания, в лоне которого созрела научная мысль» [7, с. 241].

В современной цивилизации также сосуществуют и взаимодействуют различные культурные традиции, мировоззрения и интеллектуальные установки. Количественные методы занимает среди них достойное, но отнюдь не главное место. С одной стороны, базисом инструментального знания являются традиции и нормы, обеспечивающие самосохранение общества. С другой стороны, наука представляет собой поиск истины и требует обоснования моральных ценностей, традиций и норм общественной жизни, в которой немало закоренившихся предрассудков, нуждающихся в критике и преодолении. Развитие современной цивилизации во многом будет зависеть от того, в какой мере удастся осуществить пластичное взаимодействие науки с традиционными формами знания в разнообразных институтах общества.

Современные описания мира как системного целого сталкиваются с методологическим затруднением. Согласно одному подходу, история определяется природными или экономико-технологическими факторами, а согласно другому — ментальными или духовно-символическими структурами. Все это создает трудности на пути создания единой науки. Нужно ли считать это признаком кризиса или, наоборот, точкой бифуркации, перехода к иному, нежели классический, типу рацио-

нальности — это и есть главный вопрос. Думается, что ответ на него нужно искать, используя приемы не полемики, а диалога. В мире, который стал сетью межинтеллектуальных взаимодействий, эффективным становится не господство, а сотрудничество. Человек был и остается продуктом социальных технологий. Вместе с тем, признавая системно-функциональный подход, согласно которому значение и смысл происходящего задаются институтами и механизмами, следует помнить о сохранении метафор целостности и организма, отражающих качественные характеристики отношений человека и мира.

Литература

1. Луман Н. Самоописания. М.: Логос, 2009. 320 с.
2. Дильтей В. Введение в науки о духе // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.: ДИК, 2000. С. 270–730.
3. Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона // Эстетика Ренессанса: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1981. 495 с.
4. Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2009. 320 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти Эдип. Екатеринбург.: У-Фактория, 2009. 672 с.
6. Койре А. Очерки истории философской мысли. М.: Прогресс, 1985. 286 с.
7. Черняк В. С. Логика. История. Наука. М.: Наука, 1986. 372 с.

Статья поступила в редакцию 2 сентября 2013 г.